УДК 94:39 (571.54)
doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-10-13

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИБИРИ…» И. Г. ГМЕЛИНА В ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК Л.-Ф. Г. ДЕ КЕРАЛЬО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ БУРЯТИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

© **Дамбуев Игорь Александрович**
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: igor_dambuev@mail.ru

В статье сообщается о переводе произведения известного немецкого исследователя Сибири И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири…» на французский язык. В данном переводе, осуществленном Л.-Ф. Г. де Керальо, как и в оригинале, содержатся интересные сведения о бурятах XVIII в. В статье автор дает собственные переводы некоторых отрывков произведения. В переводах описываются бурятские женщины, их одежда и украшения. Рассказывается о встрече ученого с бурятскими шаманами, их внешнем виде и шаманском обряде. Подробно описывается встреча ученого с бурятским тайшой в окрестностях Селенгинска, разговор И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера с тайшой и бурятским священнослужителем о религии, боге и проблемах вероисповедания у бурят. Автор статьи отмечает важность перевода произведения И. Г. Гмелина на русский язык.

Ключевые слова: Гмелин; буряты; история; этнография.

И. Г. Гмелин, будучи в составе Второй Камчатской экспедиции, в середине XVIII в. издал на немецком языке свои экспедиционные дневники под названием «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743». Его труд в 4 томах так и не был полностью переведен на русский язык. В 1767 г. данное произведение было издано в Париже в двух томах. Перевод на французский язык осуществил офицер и будущий академик Луи-Феликс Гинеман де Керальо. Сокращенный перевод оригинала предназначен для французского читателя и преследует цель познакомить его с природой, географией, народами Сибири, их образом жизни и обычаями.

Описание территории этнической Бурятии и местного населения мы встречаем на страницах, повествующих о путешествии И. Г. Гмелина в 1735 г. от Удинского острога (совр. Нижнеудинск) к границе с Китаем и обратном его пути по направлению к Якутску. Здесь мы находим описание Удинского, Балаганского, Еравнинского, Кабанского острогов, Никольской заставы, Кяхтинской и соседней китайской слободы, городов Селенгинска, Нерчинска, Удинска и Иркутска. Подробно описывается местный животный и растительный мир, погодные условия, полезные ископаемые. Беспристрастно описывается как коренное население края, так и русское население. Много внимания уделяется верованиям, обычаям, предрассудкам бурятского и тунгусского населения, их повседневному образу жизни и межличностным отношениям. Много описаний шаманов и лам, их обрядов и бесед с ними.

Ниже приводим перевод некоторых отрывков, описывающих бурят и отражающих мировосприятие европейцев XVIII в.:

«В окрестностях [современного Нижнеудинска] много бурят, которых русские называют братскими. Почти у всех мужчин волосы на макушке подстрижены, носят они русскую одежду. Основным украшением женщин являются их волосы: они из них делают две косы, которые носят спереди, и часто приплетают к ним конские волосы для удлинения и утолщения кос; на конце кос находятся широкие валики, на которые накручиваются волосы. На голове женщины носят повязку обычно местного производства, которую они завязывают на затылке; к этой повязке прикреплено широкое колье из железных колец, которое проходит под подбородком. Одежда состоит из подбитого мехом платья и изготовленного из крашеной кожи и китайки балахона без рукавов, который женщины надевают на платье. Девушки заплетают больше двух кос как татарки: если волос достаточно, то они могут заплетать до двадцати кос. К нам привели девушку одного из главных местных родов. У нее сзади было пять лент, ниспадающих с плеч, и на конце каждой ленты был маленький колокольчик. Она носила широкий пояс, украшенный многочисленными латунными колечками и фарфоровыми раковинами, покрытыми металлическими пластинками. Когда выдают замуж подобную знатную девушку, она больше не надевает пояс и колокольчики. Здесь не обязательно выдавать девушку замуж, чтобы она стала женщиной. Описываемая девушка была беременной. Буряты выдают замуж своих дочерей как татары за определенную сумму денег или количество скота и отпускают их только когда получают выкуп» [Gmelin, 1767, 203–205].

«К нам привели трех шаманов или колдунов, которых на бурятском языке называют бөө. Мы еще не видели в Сибири ни одного шамана в таком ужасающем одеянии: кожаное платье, усеянное железками, когтями орла и совы; из-за этих железок одеяние становится чрезвычайно тяжелым и ужасно шумным; колпак, походящий по форме на колпаки наших гренадеров, усеян когтями орла и совы. Эти три грозных шамана пришли к нам ночью, потому что, по их словам, шаманить при дневном свете нельзя. Они выбрали для своего места действия двор, на котором мы расположились, и развели костер. Один из них взял барабан, изготовленный примерно также, как я описывал ранее, но немного большего размера. Палка походила на ветку, на которую была натянута шкурка белки. Их магические обряды, похожие на те, которые мы видели ранее, имели тот же результат. Мы спросили, например, был ли жив наш знакомый, живший в Москве. Шаман, сделав несколько жестов, ответил, что духи не могут проделать такой длинный путь, поскольку духи всегда сообщают о том, что у них спрашивают. Шаманы корчили лицо и тело, кричали как одержимые, пот лился градом под весом одежд. Их земляки платят им за обряды, но в нашем присутствии они были вынуждены сделать это бесплатно. Чтобы наказать их немного за такое мошенничество, мы заставили их провести обряд несколько раз. Тот, который отговаривался слишком большим удалением от Москвы, спросил у духов еще раз и после нескольких жестов спросил нас, были ли у того человека серые волосы. Мы ответили положительно. Он начал прыгать и стучать в барабан еще некоторое время, затем сказал, что наш знакомый мертв, и умер он уже около пятидесяти лет назад» [Gmelin, 1767, 205–207].

«Мы обнаружили здесь [окрестности Кабанска] богатых бурят-скотоводов. Многие из них имеют тысячу баранов и большое количество коров и лошадей. У их баранов широкие курдюки, как у калмыцких баранов.

Эти буряты ездят верхом как на лошадях, так и на быках и коровах, и так же нечистоплотны, как и все народы Сибири» [Gmelin, 1767, 214–215].

«Мы узнали, что в окрестностях Селенгинска был тайша, или глава монгольской или Далай-ламаистской религии, который сам прежде был священником, но оставил свой духовный сан ради женитьбы и имел при себе священнослужителя своей веры. В надежде узнать с их помощью о монгольской религии мы отправились с господином Миллером на встречу, взяв русского и монгольского переводчиков. По дороге мы увидели две бурятские юрты и остановились, чтобы осмотреть их достопримечательности. В большой юрте жил один бурят со своей женой и семьей, в другой были слуги. Обе были круглыми и имели два отверстия: одно для входа, другое для выхода дыма… Мы вошли в главную юрту и увидели бурята с женой, двух его родственниц, ребенка, трехдневного ягненка, трех телят и собаку: таковы объекты наибольшей заботы и любви каждого бурята… Возле юрт был загон, сделанный из жердей и предназначенный для ягнят старше месяца. Достигнув этого возраста, ягнята больше не живут в юрте. Вокруг юрт ходил скот. Мы увидели ребенка верхом на быке, которым он управлял с помощью повода, продетого в ноздри животного. В этой юрте женщины занимались шитьем и курили табак… Наконец мы дошли до одного пустынного места, где встретили тайшу, сопровождаемого своим гелонгом и двумя родственниками. Впереди тайши шли трое мужчин, вооруженных луками и стрелами. Средний из них нес красное знамя, которое граф Савва Рагузинский, отправленный в Сибирь Его Императорским Величеством, подарил тайше. С каждой стороны знамени было изображено солнце со следующей надписью на русском языке: “Никому не уступает”. Ниже было написано: “Vivat semper Augustus Петр второй Всероссийский император 1727 г. дано роду Цонгольскому”. Мы спустились с наших повозок, сели верхом и последовали за тайшой и его свитой к его летней юрте, расположенной на небольшом расстоянии в низком месте. Он нас привел в юрту гелонга, которая располагалась по соседству. Все юрты были построены одинаково, но эта была достаточно чистой; пол был покрыт турецким ковром, на который мы сели… С гелонгом у нас состоялся продолжительный разговор о его религии. Если он нас не ввел в заблуждение, это искаженная ветвь древней католической религии. Этот священнослужитель сказал нам, что идол, о котором я говорил, изображал сына истинного Бога, который пришел на землю, чтобы просвещать людей, а затем вернулся на небо. Он добавил, что наполненная чаша, которую он держит у груди, обозначает, что сын Бога, питаясь во время своего пребывания на земле подаянием, пообещал изобилие всем тем, кто всегда будет наполнять его чашу. Еще он нам сказал, что у этого сына Бога была мать, которая очень помогает во всех несчастьях тем, кто носит с собой ее изображение, особенно путешественникам… Он подарил господину Миллеру одно из изображений матери Бога, убедившись, что мы не хотим им злоупотреблять. Наконец, он нам сказал, что у этого сына Бога был отец и дедушка, и что последний является более важным… Наш гелонг сказал нам, что монголы не считают бурят истинно верующими, а считают людьми, которые доверяют духам и ничего не просят у Бога. Хотя у тангутов, по его словам, тоже есть шаманы, но у них это никак не связано с религией, и истинно верующий человек ни в коем случае не прибегает к ним. В самом деле, буряты являются язычниками. Благодаря общему

монгольскому языку монгольские ламы могут свободно обратить бурят в свою религию и сделать из них истинных верующих. Гелонг и тайша обходились с нами очень вежливо. На огне стоял большой железный котел. В нем было около двадцати пяти литров воды, масло, молоко — разновидность чая, который по-бурятски называют зутарааи… Мы поужинали с тайшой и, попрощавшись с его высочеством, вернулись в Селенгинск» [Gmelin, 1767, 215–226].

Перевод Л.-Ф. Г. де Керальо оригинала на французский язык, будучи сокращенным и, вероятно, вольным, содержит тем не менее достаточно интересный материал. Что касается самого оригинала, который уже использовался в работах его современников, то он должен быть полностью переведен на русский язык и стать, таким образом, доступным исследователям разных научных направлений.

Литература

1. Gmelin J.G. Voyage en Sibérie: contenant la description des moeurs & usages des peuples de ce pays, le cours des rivières considérables, la situation des chaînes de montagnes, des grandes forêts, des mines, avec tous les faits d'histoire naturelle qui sont particuliers à cette contrée/ Traduction par M.de Keralio. Tome premier. Paris: Chez Desaint, 1767. 430 p.

«REISEDURCHSIBIRIEN…» OF J. G. GMELIN TRANSLATED INTO FRENCH BY L.-F. G. DE KERALIO AS A SOURCE ON THE HISTORY AND THE ETHNOGRAPHY OF BURYATIA OF THE FIRST HALF OF THE XVIII

Igor A. Dambuev
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The paper informs about the translation into French of the work «ReisedurchSibirien…» of J. G. Gmelin, famous explorer of Siberia. The translationmade by L.-F. G. de Keraliogives much important information on Buryats of XVIIIth centuryas well as the original. The paper gives some Russian translations of the work.The translations describe the Buryat women, their clothes and appearance. In the paper is described the meeting of J. G. Gmelin with Buryat shamans, their appearance and shaman ceremony. The paper gives a detailed description of the meeting of the scientist with a Buryat prince in the environs of Selenginsk. The author describes the conversation of J. G. Gmelin and G. F. Müller with the prince and his priest about religion, God and Buryat believes. The author of the paper stresses the importance of the translation of the work of J. G. Gmelin into Russian.

Keywords: Gmelin; Buryats; history; ethnography.